

Елена Хаецкая

Летающая Тэкла

Елена Владимировна Хаецкая

Летающая Тэкла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156492

Аннотация

Благородный патриций Альбин Антонин остался одним из немногих людей на Земле, не подвергшихся мутации. Идя в сопровождении шести оруженосцев-карпиков через Арденский лес, он встречает молодую обаятельную «мутантшу» Тэклу. Вместе с ней отважному рыцарю далекого будущего предстоит пережить множество захватывающих приключений и, наконец, достигнуть цели своего путешествия...

Елена Хаецкая Летающая Тэкла

*Арденнский лес, Арденнский лес,
Ты как большой могильный крест.
солдатская песня*

Деревня мутантов оказалась посреди густой, совершенно непролазной чащи, чуть в стороне от виа Фламиния Лупа, пересекавшей лес в направлении с нот-эвра на борей-аквилон. Нехотя, кое-как уступив принуждению, раздвинулись деревья, готовые в любую минуту сомкнуться, – и из зарослей на малую полянку выступила большая кирпичная печь. Облупленная краска висела на ней, как чешуя, кое-где обнажая густо-красный кирпич. Труба выпускала в небо вихлявые кругляшки дыма, а в полукруглом зеве сидел темный пирог с торчащими из корочки острыми травинками железозвезда и лягушачьими лапками.

Альбин Антонин остановился, рассматривая хлеб и размышляя о чем-то отвлеченном. Шестеро его оруженосцев, неразлично похожих друг на друга близнецов, стремительно переглядывались у него за спиной и в безмолвии обменивались мыслями. Мнения их разделились. С одной стороны, патрон, несомненно, был голоден, а с другой – не лучше ли подождать более приличной оказии, нежели этот мутантский хлеб.

Они находились в пути уже не первую септиму. Люмен сменялся никтой, а Альбин Антонин упорно погружался все глубже и глубже в пучины Арденнского леса, и ничто, казалось, не могло остановить его: ни тучи кусливых мюкков, ни доннерветтер здешнего климата, ни многочисленные трудности долгого пути. Солдатский плащ из жирного войлока – сагум – неподходящая одежда для столь знатного молодого человека; однако не раз уже Альбин находил время возблагодарить Небеса за то, что Архангел Михаил изобрел сагумы для воинов Господа Своего. Ведь первый сагум, как известно, был соткан из ангельских перьев, а последующие – из свалывшейся овечьей шерсти.

Антонины были одним из самых знатных родов Ромарики, поскольку не мутировали, хоть и не хоронились от катастроф века сего и веков предшествующих. Они участвовали в войнах, работали на авариях, плавали на подводных лодках, очищали моря и реки, спасали китов. Благодаря Антонинам сохранился один редкий вид нелетающих попугаев, почти погибший было от радиоактивных выбросов в атмосферу на островах Тихого океана. Не было беды, от которой спрятались бы Антонины. И все же они не мутировали. В их роду не рождалось даже пьяниц.

Подчиненные Антонинов любили – те хорошо заботились о своих людях. Изуродованные мутацией части тела старались заменять. Антонины настаивали на лечении и сами оплачивали операции. Они принадлежали к числу идейных противников клонирования и решительно не одобряли игр с генетикой; поэтому все зависимые от них люди обходились синтетическими аналогами замененных органов.

Оруженосцы Альбина не были уродами в прямом смысле этого слова. Они родились – шесть близнецов – от женщины с двумя парами грудей и были очень малы ростом, Альбину по пояс. Когда Альбин получил известие о том, что Антонины поручают ему управление землями недавно умершего Пия Антонина, близнецы вызвались сопровождать молодого патрона. Путь предстоял неблизкий – на борей, за Арденнский лес, к большому городу Лютеции.

Шли пешком, пробавляясь охотой и гостеприимством встречаемых мутантов-землепашцев, чьи деревушки жались к старым римским дорогам – сперва виа Гостилия, а затем виа Фламиния Лупа. Но чем дальше дорога уводила в лес, тем реже встречались поселяне.

Эта деревня находилась в полутора септимах от предыдущей и стояла от дороги в стороне – таилась как будто. Подобное обстоятельство особенно настораживало оруженосцев. На кухне родительского дома Антонина чернявки такое рассказывали – ужас берет!

Альбин присел на корточки, разглядывая хлеб в печи. Оруженосцы беспокойно толклись у него за спиной, выстреливая взглядами сразу во все стороны. И все же, когда раздался голос, они так и подпрыгнули от неожиданности, нелепо взбрыкнув в воздухе короткими кривоватыми ногами. Потому что голос донесся сверху.

– Фью! – присвистнул некто прямо над макушкой Альбина. – Насчет хлебушка любопытствуем?

Альбин поднял голову, приветливо улыбаясь. Сверху висело непонятное существо. Точнее, оно лежало в воздухе на боку, свесив длинные пушистые уши и многочисленные одеяния, смятые в причудливые складки.

– Скорее, насчет печи, – сказал Альбин. – Она разве не на радиоактивном топливе?

– Просто на дровах, – пояснил голос. – Впрочем, древесина может быть и зараженной – ее никто здесь не проверяет... Подвиньтесь-ка, я спускаюсь.

Альбин встал, отступил на пару шагов и остановился, со спокойным любопытством наблюдая, как существо плавно нисходит на землю. Просторное покрывало у него на голове раздулось и пузырем опустилось на оруженосцев, которые тотчас с пронзительными криками начали выскакивать из-под него и разбегаться в разные стороны.

Бесформенный ком взбитой ткани зашевелился, показались длинные тонкие руки с четырьмя сросшимися пальцами – кисть напоминала рукавичку. Эти руки ловко собрали одеяние в складки, поправили пояс – и мгновение спустя перед Альбином предстала девушка в широком платье и причудливом головном уборе со свисающей фатой. То, что Альбин изначально принял за уши, оказалось толстыми русыми косами.

– О, доминилла, – вежливо промолвил Альбин и наклонил голову.

Конечно, Антонину нет надобности кланяться мутанту – это право Альбин мог отстоять, если потребуется, с оружием в руках. Однако в данном случае речь шла о прекрасной молодой женщине. О женщине с круглыми синими глазами, носом-пуговкой и забавными пухлыми губами, готовыми в любое мгновение растянуться в улыбку.

Довольная произведенным впечатлением, девушка повертела в руке пушистый хвостик косы, потом сунула его в рот и покусала – не то от смущения, не то просто по привычке.

– Мое имя Тэкла, – сообщила она. – Еще меня называют Летающая Тэкла. Это потому, что я летаю.

– Мы держим ее на прицеле! – крикнул, внезапно вынырнув из-за ближайшего дерева, один из близнецов.

Не обращая никакого внимания на возню своих оруженосцев, Альбин вступил в беседу с Тэклой. Назвал ей свое имя. Та быстро двинула бровями – сперва округлила их, затем сдвинула.

– Антонин? – переспросила она. – Из тех Антонинов? Патриций?

Альбин чуть исподлобья глянул на нее и улыбнулся. Она медленно обошла вокруг пришельца, волоча по траве подол длинного просторного одеяния.

– Ух ты! – сказала Летающая Тэкла. – Вот это да! Настоящий патриций! А ты видел Ангелов?

Альбин смутился.

– Нет, – признал он.

– Я тоже, – вздохнула Тэкла. – Но мне-то они и не явятся. Я же мутантка... нас Ангелы не очень жалуют.

– Сие доподлинно никому не известно, – проговорил Альбин. – Богословы трактуют различно.

– Надо же, патриций! – не унималась Тэкла. – А эти шмокодявки, – она качнула головой в высоком уборе в сторону деревьев, за которыми скрывались оруженосцы, – они кто?

– Свободные вассалы у меня на службе. Антонины не держат рабов.

– Ух ты! – еще раз сказала Тэкла. – А у нас тут – все что хочешь. И вассалитет, и клиентура, и рабовладение... Кто больше мутант – над тем больше всего господ. Ужас, конечно. Совет старейшин то и дело разбирается. Созывают всех на публичное освидетельствование. Подсчитывают пальцы, измеряют конечности, череп, вычисляют соотношение и соразмерность членов, на рентгене просвечивают органы... У нас один батрак после этого просвечивания мутировал просто в мясо – аппарат полная дрянь, радиоактивный...

– А для чего это – освидетельствование? – спросил Альбин.

Тэкла наморщила нос.

– Для законности, – пояснила она. – «Закон Пердарика». Не слышал? Пердарик – это был первый и самый мудрый король мутантов Арденнского леса. Потом эти законы еще по-всякому дополняли, уточняли, вписывали новые коэффициенты. В общем, сейчас это «Мутантская правда». Каждое уродство подробно описано и обладает индексом. У кого самый большой индекс – тот полный мутант и все могут им помыкать, кому как захочется. Могут даже убить. За убийство полного мутанта тебе ничего не будет.

– Как же им быть? – огорчился Антонин. – Они же не виноваты, что мутировали.

– Найти себе покровителя с маленьким индексом, – сказала Тэкла. – Пойти в батраки, клиенты или в рабы. Индекс – это все.

– Понятно, – сказал Альбин.

– Ты должен показаться нашим старейшинам, – заявила Тэкла.

– Разумеется, – согласился Альбин. Ему не хотелось быть невежливым.

– Настоящий патриций! – вздохнула Тэкла. – Можно тебя потрогать, а?

Тотчас из-за стволов высунулись оруженосцы – все шестеро. Альбин услышал характерный тихий щелчок арбалета-автомата. Тэкла тоже уловила этот звук и насторожилась.

– Это мои оруженосцы, – пояснил Альбин. – Не бойся.

Она подняла руку – Альбин ясно рассмотрел узкие и плотные розоватые перепонки между тесно поставленными тоненькими пальцами – и осторожно прикоснулась к его щеке. Щека была идеально выбрита и спрыснута отменным одеколоном. Во всем, что касается внешности, Антонин в любой ситуации должен оставаться безупречным.

Прикосновение Тэклы было шелковистым. Альбин так и сказал:

– Какие у тебя нежные руки...

Тэкла ничуть не смутилась. Повертела кисти-рукавички и так и эдак.

– Говорят, можно разрезать перепонки, – молвила она. – У нас есть одна бабка-колдовка, она такими делами занимается. Ножом чирк-чирк, потом пошепчет... только я не хочу. – Она согнула и разогнула пальцы. – Порознь, поди, будут слабенькие.

– Да нет, не очень, – возразил Альбин. И украдкой глянул на свои руки, крепкие, красивые, с печаткой Антонинов на правом мизинце.

– Все равно не хочу, – упрямо сказала Тэкла. – Ну ее, эту колдовку. У нее ножи, кстати, грязные. Она их не моет. В огонь сунет – и ладно, я сама видела.

Она взяла Альбина за руку и повела в деревню.

Альбин сразу понял, что Тэкла занимает здесь весьма высокое положение. Обитатели деревни являли собою жалкое зрелище: с деформированными конечностями, пятнами или густой растительностью на лицах, хромые, кривые, чрезмерно высокие или наоборот крошечные, – все они при виде Тэклы и незнакомца замирали на миг и склоняли головы. Карлики с арбалетами наготове спешили вслед за молодым патроном, грозно озираясь по сторонам; однако повода к решительным действиям пока не появлялось.

Домишки, как и их обитатели, производили по большей части безотрадное впечатление. Это были маленькие, черные от копоти бревенчатые сооружения с плотным мхом на крыше, крошечными оконцами и низкими дверями. На грядках перед каждым домом вызревали странные овощи – Альбин, как ни старался, не смог определить, что это.

После вчерашнего дождя повсюду стояли лужи. Спутница Антонина ничуть этим не смущалась. Она невозмутимо плыла по воздуху, поднявшись над дорогой приблизительно на локоть, так что длинное и широкое одеяние девушки оставалось совершенно чистым. К сожалению, того же нельзя было сказать о сапогах и плаще Антонина; что до оруженосцев, то коротышки забрызгались до самых бород.

Посматривая по сторонам, Альбин не мог не заметить, что здешние мутанты, несмотря на очевидное их уродство, хвори и короткий век, не выглядят страдальцами. Они вели себя как самые обычные люди, в меру довольные судьбой, в меру невезучие и отягощенные заботами, но, в принципе, поглощенные самым важным делом на земле – шествованием из начала своей жизни в ее конец.

В больших городах все обстояло совершенно иначе. В Болонье, где родился и провел первые годы Альбин Антонин, повсюду понатыкано центров биокоррекции, салонов генетической экспертизы для новобрачных, домов красоты и всевозможных школ психотренинга для мутантов. Многочисленные практикующие психотерапевты предлагали свои услуги по частичному снятию и компенсации комплексов. Антонин как-то раз пришел на занятие – любопытства ради. В группе занималось человек десять. Терапевт, с виду совершенно немутированный, активно подбадривал пациентов, а когда одна девушка, покрасневшись, храбро сказала: «Привет! Меня зовут Корнелия, я – мутант!» – все зааплодировали. А у болонских газет то и дело возникали неприятности из-за неpolitкорректных высказываний в адрес лиц с альтернативным генетическим развитием. Несколько лет назад много шуму наделали выборы в парламент Республики, когда от города Аквы Секстиевы выдвинули двухголового кандидата. «Ум хорошо, а два лучше!» – гласил его предвыборный слоган. Кандидат прошел на ура и три года пускал слюни на заседаниях. Республиканское телевидение иногда показывало его, но от комментариев благоразумно воздерживалось.

Ничего похожего на политкорректность не наблюдалось здесь, в маленькой сельской общине, затерянной в дебрях неохватного Арденнского леса. По пути Тэкла рассказывала о деревне, старейшинах и «Мутантской правде», причем в выражениях совершенно не стеснялась.

Отцами-основателями общины, согласно преданию, являлись матросы и младший командный состав одной подводной лодки. После ряда операций в Последней войне все они были списаны на берег и отправлены в несусветную глушь, подальше от цивилизации, вместе с женами, детьми и некоторым количеством семян и скота, но совершенно без средств связи. Так было надо.

По этой причине старейшины традиционно именовались капитанами, а глава совета – капитаном-командором. На флагштоке перед штаб-квартирой совета ежедневно на рассвете поднимали морской флаг. Еще тот самый, древний.

После того, как мутации стали очевидны и необратимы, в законах, управлявших жизнью общины, произошел ряд существенных изменений.

Первоначально господствовало семейное право, согласно с которым мутационный индекс высчитывался для семьи в целом. Однако это приводило к ущемлению прав отдельных лиц, почти не затронутых процессом мутации, и ограничивало их юридическую способность к заключению брака.

После трагической гибели местных Ромео и Джульетты, разлученных причудами семейного права, закон был коренным образом пересмотрен в пользу индивидуума. Это привело к большей свободе отдельной личности, которую теперь не тянули на социальное

дно неполноценные родственники; однако имело следствием почти полный распад семьи, поскольку родители с высоким индексом оказывались в подчинении у собственных детей, если у тех индекс был меньше. Жены нашли управу на неугодных мужей и добивались их переосвидетельствования, после чего ловко захватывали главенство и помыкали ими до скончания дней.

– Пришли, – оборвала повествование Тэкла.

Они остановились перед флагштоком с выцветшей тряпкой, обвисшей в летнем безветрии. Сверху был водружен венок крупных мясистых цветов и длинных тонких перьев из петушиного хвоста. Вокруг флагштока полукругом были вбиты в землю бревна. К крайнему из них привешивался корабельный колокол – рында.

– Здесь и заседает наш совет, – объяснила Тэкла. – Зимой еще натягивают навес от ветра, а летом – так.

Она схватила веревку и принялась трезвонить в колокол. Стая птиц, доселе невидимых, вдруг с шумом поднялась в воздух, поорала немного и куда-то направилась.

Затем один за другим начали появляться старейшины. Всего их Альбин насчитал семь человек. Впрочем, некоторые все время то уходили, то возвращались, так что понять истинное число вершителей местного правосудия он так и не сумел.

Альбин Антонин с оруженосцами за спиной остановился под самым флагом, позволяя себя рассматривать. А посмотреть было на что. Перед мутантами стоял высокий молодой человек, крепкий, с открытым лицом. Широко расставленные светлые глаза глядят ясно, рот уверенно улыбается, темные недлинные волосы чуть выются. По традиции Антонин носил два коротких меча за спиной, не снисходя до огнестрельного оружия. До кончиков ногтей Альбин Антонин был патриций – абсолют, величайшая драгоценность человечества.

Старейшины пришли на совет со своими подушками и каждый долго усаживался, стараясь поудобнее расположить кривые, костлявые или наоборот раздутые ноги. Согласно здешнему обычаю, мутант, не способный сидеть на земле, не может претендовать на положение старейшины.

На Альбина со всех сторон уставились глаза – желтые, серые, черные, с удлинненным зрачком, со сплошным расширенным зрачком, вытеснившим радужную оболочку, или со светящимся, как у зверя. Глаза злые, любопытные, оценивающие.

– Капитаны! – обратилась к ним Тэкла, и Альбин по ее голосу вдруг понял, что девушка сильно волнуется. – Я привела вам настоящего патриция. Это Антонин из болонских Антонинов. Мне больше нечего сказать.

От капитана к капитану прокатилась жаркая волна беспокойства. Затем один из них поерзал на подушке и обратился к Альбину, кисло улыбаясь:

– Мир тебе, патриций Антонин.

– Миром приемлю, – отозвался Альбин настороженно.

– Хм, хм! – заклохтал капитан-командор. – Мое имя Арридей. Моим предком был боцман подлодки «Геркуланум» Арридей Тармит.

– Достойное имя, – сказал Альбин.

– Хм, хм, – молвил потомок боцмана, неловко ворочаясь на скользкой шелковой подушке. – Тебе придется снять одежду, патриций. Таков закон.

– Хорошо, – сказал Альбин.

Арридей повернулся к своему соседу и что-то яростно зашептал тому на ухо. Тот сперва сморщился, затем кивнул и, поднявшись, заковылял куда-то прочь.

Альбин вопросительно глянул на Тэклу. Она чуть покраснела и тихо произнесла:

– Они хотят измерить твои параметры и сопоставить их с эталоном. Ты согласишься?

– Это ведь очень важно? – спросил Антонин и поднес руки к горлу, чтобы развязать тесемки плаща.

Тэкла ответила странно:

– Это политика.

Вернулся уходивший капитан. С ним пришел еще один человек, горбун в заплатанных штанах, который тащил на себе деревянную статую, изображавшую человека в полный рост. Кряхтя и охая, горбун водрузил свою ношу рядом с Альбином, после чего боком двинулся прочь.

Статуя представляла обнаженного мужчину, немолодого и изрядно располневшего. Он стоял прямо, слегка даже откинувшись назад и чуть расставив мускулистые ноги. Руки с раздутыми бицепсами висели вдоль туловища. Выкаченная грудь и крепкое вместительное брюхо служили выразительными свидетельствами лихости и жизнелюбия изображенного. Обрюзгшее, но все еще энергичное лицо улыбалось застывшей улыбкой, имевшей явное сходство с жуткими ухмылками архаических божеств Крита.

– Это Аристандр Тельмесс, последний из отцов-основателей, – сказал Тэкла тихо. – Матрос второго ранга. Он был изваян незадолго до смерти, когда мы поняли, что нуждаемся в твердом эталоне для проведения дальнейших измерений и расчетов.

Вернулся горбун. Теперь он принес ларец, в котором обнаружили ленту с отметками, штангенциркуль, отвес и ватерпас. Кроме того, там хранился медный корабельный компас.

Альбин, повинувшись кивку Арридея, послушно снял сагум, затем избавился от сапог, рубашки и штанов. Тэкла поднялась повыше в воздух и зависла прямо над ним. Подол ее платья щекотал Альбину ухо. За спиной Альбина шевелились и переглядывались карлики.

Арридей, сильно припадая на правую ногу, приблизился к патрицию и взял из ларца мерную ленту. Как холодная змея, лента обвила грудь Антонина, потом скользнула по руке, переползла на талию. Арридей называл цифры, и старейшины быстро наносили их на таблички, служившие для вычисления индекса. Альбин терпеливо, как породистый, хорошо вышколенный конь, сносил процедуру обмера. Закончилась она пересчитыванием пальцев на ногах и вымерением длины ногтей. Затем Арридей поднялся, держа в руке растопыренный штангенциркуль, и посмотрел Альбину прямо в лицо. Глаза старейшины побелели от ужаса.

– Одно из двух, – прошептал он. – Или ты все-таки мутант или... это полный переворот! Это катастрофа!

Альбин не спеша начал одеваться. Трое из его оруженосцев продолжали держать старейшин на прицеле, в то время как прочие подавали патрону одежду, застегивали на нем крючки и затягивали завязки. При этом близнецы сердито сопели; вслух однако пока не высказывались.

Тэкла величаво спустилась вниз. Один из оруженосцев Альбина задрал голову, следя за ней, и проговорил:

– Между прочим, патрон голоден.

– Да? – переспросила Тэкла. Ее большие губы сперва растянулись в веселую улыбку – улыбалась она причудливо, немного криво – а затем почти тотчас вытянулись трубочкой, и Тэкла несколько раз тонко, мелодично просвистела, после чего повернулась к братьям и слегка изогнула брови. Те в ответ быстро и вразнобой задвигали коротенькими мохнатыми бровками.

Вскоре показался высокий юноша в длинном сером плаще, худой и заметно кривобочий, но куда менее уродливый, нежели любой из старейшин. Он остановился у крайнего бревна и нерешительно огляделся по сторонам, а потом, заметив наконец Тэклу, быстро приблизился к ней.

– Ну вот, – произнесла она самодовольно и показала на него близнецам, – сейчас вот этот Линкест накроет стол в одуванчиковой роще и подаст хлеб, тушеного кролика с фруктами и, между прочим, пиво. Ваш патрон любит пиво?

– Он любит чистую воду, – ответили карлики почти хором.

– Вряд ли здесь найдется хорошая вода, – протянула Тэкла.

Линкест, как назвала Тэкла кривобокого юношу, тихо покачал головой.

– Он что, немой? – спросил один из близнецов.

– Просто не любит разговаривать, – объяснила Тэкла. И обратилась к Линкесту: – Для господина подашь воду, ясно тебе?

– И пиво, – добавил другой близнец.

Линкест двинулся было прочь – он ходил, чуть забирая влево и сильно размахивая правой рукой, – но тут завопил один из капитанов:

– А ну, стой! Ты, ты! Стой, мутант!

Линкест замер, стремительно и с нескрываемым страхом поглядев на Тэклу. Девушка зашумела пышными одеяниями и выступила вперед. Теперь она ступала прямо по земле.

– В чем дело, Арридей? – осведомилась она, сильно щурясь. Солнце било ей в глаза, украшения на ее головном уборе пылали.

– Пусть пока останется здесь, – повторил старейшина.

– Нет уж, пусть убирается! – крикнул другой капитан. – Живо!

Тэкла топнула ногой.

– Ну вот что! Я не позволю вам запугивать моего человека, ясно? Он пойдет туда, куда я велела, а разговаривать будете со мной. Пока что я в своем праве.

Линкест торопливо скрылся. Тэкла проводила его взглядом, а затем обратилась к Альбину:

– Тебе ведь понравился его плащ?

– Хорошая одежда, доминилла, – сказал Альбин вполне искренне.

Тэкла радостно разругнулась.

– Я сама и пряду, и тку. Я всех своих рабов одеваю.

– О! – вымолвил Альбин.

– Да, – повторила Тэкла. – У меня их трое и все одеты – любо-дорого посмотреть.

– По-моему, ваши капитаны сильно встревожены, – вдруг сказал Альбин. – Мне это не нравится, доминилла. Я не хотел бы стать причиной беспорядков и бед.

«Встревожены» и даже «сильно встревожены» было довольно мягким обозначением для того, что творилось в штаб-квартире совета. Капитаны подпрыгивали на подушках, дергали ногами, трясли в воздухе руками и кричали, оплевывая друг друга, все одновременно.

– Уйдем отсюда, – предложила Тэкла. – Ближайшие две-три склянки им будет чем заняться и без нас.

Она хихикнула – почему-то злорадно – и заскользила по траве. Альбин и пять его оруженосцев последовали за девушкой. Шестой карлик остался, чтобы понаблюдать за старейшинами. «Как хотите, – подумал он, адресуя мысль своим братьям, – а я не доверяю этой шайке взбесившихся мутантов. Ломаного сестерция они не стоят, вот что».

Одуванчиковая роща располагалась чуть в стороне от деревни. Идти туда следовало по узкой тропе, прорубленной в густых влажных зарослях низинных трав, по сырой черной земле, которая норовила поглотить сапоги и более никогда не выпускать их из своих чавкающих объятий.

После низины тропинка взбиралась на крутой склон и буквально вытряхивала путников, как горошины из узкой горловины кушвина, на просторную светлую поляну, заросшую одуванчиками в человеческий рост. Огромные золотоволосые головы тихо покачивались, причудливо изрезанные листья стояли неколебимо – даже ветер, довольно ощутимый здесь, на открытом пространстве, был им нипочем. В этой золотой роще стоял небольшой вкопанный в землю бревенчатый стол. Линкест успел накрыть его свежей полотняной скатертью и водрузить на середину деревянный кругляшок – спил толстого ствола.

Две смешливые худышки с жиденькими косичками, обе едва четырнадцати лет, раскладывали плотные листья подорожника – видимо, это заменяло тарелки. Альбин, теперь уже кое-что понимавший в местных обычаях, отметил, что девочки одеты в платья работы Летающей Тэклы. Они утопали в море пышных складок и драпировок. Тоненькие ручки-палочки на миг высывались из широченных рукавов, подкладывая к тарелкам ножи, после чего сразу же прятались, втягивались, как щупальца в раковину.

Посреди стола уже красовался обещанный кролик. Он был размером с полугодовалого поросенка, не меньше, с румяной корочкой и неизвестным плодом в пасти. На каждую тарелку-лист положили по круглому жесткому хлебу из очень темной муки. Из столовых приборов подали только ножи, а из напитков – обещанное пиво и воду подозрительного зеленоватого оттенка.

Альбин с восторгом угощался домашней стряпней. Карлики вели себя более сдержанно. Девочки-служаночки ограничились хлебцами, обкусывая их по краям маленькими острыми зубками. Так же поступала и Тэкла: держа круглый хлебец обеими руками, она медленно поворачивала его, всякий раз съедая кусочек, так что, уменьшаясь постепенно в диаметре, он не утрачивал идеально круглой формы. Видимо, этого требовали правила хорошего тона.

К несчастью, Альбин понял это лишь после того, как нарушил их все: смял хлебец, отрезал кусок мяса ножом (ножами принято выскабливать внутренности, облитые густой пряной подливой), утер жир с подбородка листом подорожника и выпил воды прямо из кувшина, поскольку не обнаружил ничего похожего на стаканы. Увидев, как служаночка осторожно наливает пиво Тэкле в горсти, Альбин покраснел. Тэкла переправила содержимое ладоней в рот и заметила Альбину:

– Тебе незачем стыдиться. Патриций может делать все, что захочет.

– Но я хотел бы быть вежливым, – сказал Альбин.

– Отменная стряпня, хозяйка! – вставил один из оруженосцев, и тотчас в головах всех его братьев возник образ шестого близнеца, оставшегося наблюдать за капитанами. «Надеюсь, вы там не все сожрали?» – укоризненно вопрошал он.

Альбин не был телепатом, однако это не помешало и ему вспомнить о шестом голодном карлике.

– Еще один мой человек не пообедал, – сказал он.

– Ему оставят самое вкусное, – обещала Тэкла.

– Скажи, – добавил Альбин, – кто послужил орудием Господа при создании этого превосходного обеда? Я хотел бы поблагодарить его за труды.

Тэкла высоко подняла брови, сперва округлив их, а затем переломив посередине, так что ее гладкий лоб украсился двумя подобиями стрельчатых арок. На ярком солнечном свету, в отблесках огромных пышных одуванчиков, лицо Тэклы казалось обсыпанным золотистой пудрой, а брови и тонкие волоски на лбу у основания головного убора выглядели совершенно золотыми. Кроме того, как разглядел Альбин, она действительно украшала ресницы блестящим порошком.

– Если тебе понравился кролик, благодари Линкеста, – сказала она. – Это его работа. Только будь осторожен.

Тэкла подняла руку и, согнув пальцы, подозвала Линкеста. Он за стол не садился – прятался среди густых листьев; однако жест патронессы заметил сразу и выбрался из своего укрытия.

– Прекрасный обед, – похвалил Альбин.

Линкест безмолвно закрыл глаза и залился слезами. Кончик его длинного острого носа ужасно покраснел.

– Чтобы я ни сделал, все невпопад! – огорчился Альбин. – Прости меня, Линкест, если по незнанию я расстроил тебя!

Слезы потекли еще обильнее, хотя секунду назад казалось, что это невозможно. Наконец Линкест схватил себя за щеки и бросился бежать.

Альбин теперь и сам едва не плакал.

– Что я сказал? – повторял он. – Что я сказал неправильно?

– Линкест очень чувствительный, – объяснила Тэкла немного снисходительным тоном. – Чужая доброта трогает его до глубины души, а от грубого слова он по несколько дней хворает... К тому же, он никогда прежде не видел патриция. Удивительно еще, как он не потерял сознания, когда ты с ним заговорил.

Альбин нахмурился, побарабанил по столу пальцами.

Невесомые прислужницы Тэклы быстренько собирали со стола. От их рук исходил сильный и сладкий пивной запах.

– А пиво тоже хорошее, – сообщил один из оруженосцев Альбина громким шепотом. – Кх! Кх! Надеюсь, это никого не уронит в обморок.

«Здесь дерутся, – снова оживился в сознании своих братьев карлик-наблюдатель. – Арридей вырвал у Эфиппа клочок бороды и назвал его летальным мутантом».

– Ничего сложного здесь нет, – принялась растолковывать Тэкла Альбину Антонину. – Ты патриций, соль земли, ось мироздания, образ Ангельский. Так?

– Теологически – да, – согласился Альбин. – Однако подтверждать сие надлежит ежедневно, каждым шагом и словом. Боюсь, я слишком часто ошибаюсь и совершаю недостойные поступки. Вот почему меня так огорчает, когда из-за меня печалются другие.

– Ха! Другие! – резко выкрикнула Тэкла и взмыла над столом, а затем медленно, сминая платье в причудливые лепестки-складки, уселась обратно. – Слушай-ка меня, молодой господин! Ты видел Аристандра?

– Кто это? – Альбин чувствовал себя окончательно сбитым с толку.

– Эталон! Статуя!

– Видел...

– А теперь скажи мне, разве твои показатели не отличаются от показателей Аристандра?

– Но ведь он... немолодой... Просто – толстый!

– Ха и еще раз ха-ха! Все индексы в нашей общине высчитываются сравнительно с аристандровым эталоном. Понимаешь? Ты только подумай, Антонин, только попытайся вникнуть в происходящее – и будешь смеяться, как я! Видел моих рабов? Этих ребят никто не хотел брать под патронаж! Их едва не изгнали за пределы обитаемого мира – как безнадежных, хотя, насколько мне известно, они даже насморком почти не болеют... И все из-за индекса! Они тощие! Брюхо отсутствует, показатели 36А и 36Б как ниточка...

– Какие показатели? – переспросил Антонин.

– Бицепсы! – Тэкла похлопала себя по руке повыше локтя.

– А ты? – осторожно спросил Альбин.

– Что? – осведомилась Тэкла и опустила подбородок на сжатые кулачки.

– Ну... мне не показалось, чтобы ты могла похвалиться большим брюхом... – проговорил Альбин Антонин немеющими от ужаса губами: благовоспитанный молодой патриций, он не мог даже поверить в то, что действительно произносит вслух все эти ужасные, почти непростойные вещи.

Однако Тэкла и глазом не моргнула.

– Брюхо! Насмешил! – ответила она невозмутимо. – Ну, во-первых, я не такая уж тощая. А во-вторых, у меня другие показатели отличные: руки и ноги, например, идеальные, кроме пальцев, спина прямая... А кроме того, я умею летать, а это говорит о тайном благоволении

Ангелов. Конечно, Ангелы не станут проявлять доброе отношение к мутантке в открытую, но украдкой-то они уж точно меня поцеловали!

Возразить на это было нечего. Альбин Антонин так и сказал:

– Очень может быть.

– Ну вот, – продолжала Тэкла. – Жили мы согласно нашим индексам, а тут вдруг выясняется, что все это – ложь! И искони было ложью! Что талия идеально сложенного мужчины – не 2 и 2/3 локтя в диаметре, а менее двух локтей... и так далее. Знаешь, чем это закончится? Если, конечно, мы тут друг друга не перебьем до смерти... Нашим старейшинам придется идти в клиенты к прежним своим вассалам... А кого изберут вместо прежних капитанов? Моего Линкеста, бедняжку? Если введут новый эталон, ему, с его-то показателями, светит командорство! Я же тебе говорила, это все политика!

«...В глаз Эфиппу плюнул, да так ловко! – между тем увлеченно повествовал наблюдатель. – Ой, а у Эфиппа-то, оказывается, третье веко! Вот ведь шельма! Вишь, моргает!»

– Как же мне быть? – спросил Альбин. – Ищу твоего совета, доминилла, – ты, сдается мне, умна и добросердечна.

– Возможно, и так, – не стала отпираться Тэкла. – Мой совет: держись настороже, патриций. Пусть твои вооруженные козьяки ни на миг не выпускают арбалеты из лап. И сам ни к кому спиной не поворачивайся. Особенно к здешним толстякам.

«Арридея его клиенты унесли, – рассказывал шестой братец. – Уложили на носилки и утащили. Он прямо с носилок зеленой желчью в них плевался... Неугомонный! Прибежали клиенты Эфиппа и капитан-командора. Знатное побоище! Урод уroda чем ни попадя лупит! Я бы парочку пристрелил, а?»

«Не смей!» – разом мысленно закричали пять близнецов.

Телепатическая связь ненадолго прервалась, после чего до братьев донеслось меланхоличное: «Шутка».

Альбин Антонин протянул к Тэкле сложенные горстями ладони.

– Не сочти за дерзость и окажи мне честь – налей доброго пива, доминилла.

Улыбаясь, Тэкла угостила его. Служаночки к тому времени уже скрылись за листьями, и оттуда лишь изредка доносился их почти неслышное хихикание.

К ночи вся деревня кипела и бурлила. Мужья-подкаблучники, признанные вассалами собственных жен, коль скоро те обладали могучим торсом, кое-где начали поднимать голову. В доме капитан-командора рабы взбунтовались и высекли командорова зятя, мстя за притеснения и злобные выходки. Клиенты разных патронов сходились стенка на стенку и пару раз дело доходило до поножовщины.

Тэкла устроила Альбина на ночлег подальше от деревни. Она сама отвела его за одуванчиковую рощу и расставила часовых – своего Линкеста и оруженосцев Альбина.

Карлики поглядывали на Линкеста неодобрительно.

– Ты гляди у нас, мутант, – предупредил один из них. – Может, ты и слишком гордый, чтобы с нами говорить, но увидишь кого нехорошего – кричи. Не умирай молча, ибо это будет для нас бесполезно. Кричи!

Линкест кивнул и прерывисто вздохнул.

Альбин Антонин растянулся на перине, которую приготовили для него прислужницы, укрылся одеялом с вытканными гигантскими крабами, поедающими бравых мореходов, и сладко заснул. Всю ночь часовые перекликались, подражая протяжным и тоскливым голосам ночных птиц, да еще пару раз прилетала Тэкла – посмотреть, все ли в порядке. Однако безмятежного сна молодого патриция ничто не нарушало до самого рассвета.

* * *

Когда Альбин Антонин открыл глаза, он увидел сидящую рядом Тэклу. Она терпеливо ждала его пробуждения. Растолкать патриция, естественно, никому и в голову не приходило.

Альбин поморгал, встретился с Тэклой взглядом и тотчас счастливо, светло улыбнулся. В ответ она озарилась тихим внутренним светом. Этот свет, казалось, был заключен в сокровенных глубинах ее естества; ей не потребовалось шевельнуть ни единым мускулом лица, чтобы отозваться на улыбку Антонина. Затем она негромко присвистнула, и вскоре один за другим начали сходиться карлики, а после них – бледный и замученный Линкест.

Последними прибежали девочки и принесли Альбину умывальнице – большой берестяной ковш с водой и серое полотенце.

Пока Альбин умывался и завтракал печеными яблоками, фаршированными лягушачьим мясом, Тэкла летала вокруг, то и дело взмывая повыше и вглядываясь во что-то поверх деревьев. Наконец она объявила, что пора идти в деревню, пока там не начались поджоги и смертоубийства.

Появление Антонина и Тэклы со свитой не произвело поначалу большого впечатления. Некоторые местные жители сердито копались у себя в огороде, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к происходящему. Другие яростно выясняли отношения. В иных дворах шла настоящая война толстых и тонких. По слухам, нынешней ночью двух мутантов удавили мерной лентой.

Добравшись до штаб-квартиры, Тэкла принялась отчаянно звонить в колокол-рынду. Она дергала веревку, пока пот не выступил у нее на лбу, а затем все бросила и уселась на земле. Широкий подол распростерся на два локтя вокруг. Тэкла заботливо поправила его, чтобы хорошо был виден вытканый узор – красные русалки на синих деревьях, переплетенные длинными хвостами.

Ждать пришлось недолго – обитатели деревни вскоре заполонили площадь перед штаб-квартирой. Их оказалось, по подсчетам Альбина, гораздо больше, чем могли бы вместить в себя те немногочисленные убогие жилища, которые он до сих пор увидел. Он попытался вообразить себе, в какой тесноте живут здешние мутанты, проводя долгие зимы безвылазно в маленьких закопченных домах, и ему сделалось жутко.

Между тем на народном собрании дебатировался вопрос о полном пересмотре параметров эталона. Предлагали ввести альтернативный эталон, который действовал бы одновременно с прежним, но эту идею отвергли сразу же: показатели Альбина и Аристандра взаимно исключали друг друга.

Тэкла в волнении летала взад-вперед над головами собравшихся, и одного, особо рьяно выкликавшего: «Нет Антонину», сильно лягнула ногой по макушке.

Выдвинули довольно здравую альтернативу: высчитать среднее арифметическое, особое внимание уделяя при этом не количественным показателям, а качественным, т. е. не абсолютной длине и ширине членов, но гармоническому соотношению между ними. Так, для талии объемом в 2 и 2/3 локтя предполагался идеальный рост в 3 и 2/5 локтя (аристандров эталон), а для талии в 1 и 3/5 локтя – рост в 3 и 4/5 локтя (антонинов эталон) – и так далее.

– Вы отдаете себе отчет? – надрывался Эфипп, после вчерашней схватки расцвеченный многими из цветов радуги. – К чему это приведет? Хаос! Хаос! Разруха! Одичание!

– Нужно создать комиссию! – кричал человек с непомерно длинной шеей. Кадык передвигался по его тощему жилистому горлу, как лифт по небоскребу. – Пусть все пройдут переосвидетельствование!

– Долой рабство! – орал в глубине толпы. – Даешь вассалитет!

– Все рухнет! Все пропало! – страдал капитан-командор, хлопая по бедру статую Аристандра.

Так продолжалось еще некоторое время.

Альбин чувствовал себя очень глупо и, чтобы преодолеть это чувство, начал думать о Тэкле: не подвергает ли она себя опасности, выказывая столь явную симпатию к чужаку и фактически возглавляя смуту? Он переместил перевязь с мечами на спине так, чтобы при случае сразу выхватить оружие, чуть расставил ноги – и мгновенно ему стало лучше. Во всяком случае, теперь Альбин был при деле. Карлики, щеря в бородах крупные желтоватые зубы-кубики, прикрывали ему спину и бока.

Крик стоял еще некоторое время, а затем все как-то разом сникло и начали расходиться. Тэкла величаво спустилась с небес на землю. На сей раз Антонин успел разглядеть мелькнувшую под подолом узенькую розовую пятку, и у него вдруг странно ухнуло в груди. От тела девушки исходил жар, как от зверька.

– Что случилось? – спросил Антонин. – Почему все ушли?

– Народное собрание утвердило решение совета, – сказала Тэкла. – Предстоит полное переосвидетельствование всех членов общины согласно новому стандарту Аристандра-Антонина.

– Из-за меня столько беспокойства! – расстроился Альбин Антонин. – Я всего лишь хотел купить в вашей деревне хлеба! Лучше бы я его украл!

– Ты следовал кодексу чести патриция, – утешительно молвила Тэкла.

Альбин засиял.

– Ты знаешь о Codex honorum patricii? Откуда?

– Догадалась, – вздохнула Тэкла. – Более того, хочу этим воспользоваться. Ты ведь не можешь отказать даме?

– Твоя правда, доминилла.

– Старейшины направляют меня в Могонциак с большим посланием к магистрату и уточненным индексом, который, после того, как будет окончательно рассчитан для всех параметров, получит название Lex Aristandri-Antonini и обретет силу закона.

Разговаривая, они покинули штаб-квартиру и теперь шли по деревне, не замечая более волнения, которое охватило ее жителей. Возле забора, увитого вьюнком, Тэкла неожиданно остановилась.

– Вот мой дом, – сказала она. – Не окажешь ли мне честь и не осчастливишь ли мой кров своим посещением?

Альбин заколебался. Его пугали эти похожие на капканы домишки.

Тэкла прибавила:

– Я покажу тебе мой ткацкий станок.

Альбин зажмурился и так ступил под воротца, после чего открыл глаза. Он обнаружил себя в небольшом садике. На грядках, как и везде в деревне, росли несусветные овощи с мощной ботвой. Домик в глубине сада, полускрытый яблонями с крошечными зелеными и полосатыми яблочками на узловатых ветвях, выглядел ненастоящим – игрушечным.

– За домом у меня большой участок, – похвалилась Тэкла. – Я выращиваю лен. Хочешь посмотреть?

И она побежала вперед по садовой дорожке, легко отталкиваясь от земли и чуть взлетая при каждом шаге. Антонин тяжело шагал следом. Рядом с Тэклой, хоть и помещенной внутри громоздкого сундука одеяний, он казался себе неуклюжим.

Они миновали дом и окно с резным наличником. В мутном стекле с густым радужным разводом мелькнуло невнятное лицо – то ли одна из служаночек выглянула из дома, то ли отразились проходящие мимо.

Тэкла не преувеличивала, называя свой участок большим. Это было настоящее поле. Антонин никогда в жизни не видел еще, как растет лен, и теперь был поражен открывшейся картиной: над полем, раскинувшимся на десяток югеров, словно в воздухе висели мириады крошечных голубых цветочков. Тонкие серовато-зеленые стебли были как пряжа, перепутанная, раздерганная и разбросанная на всем пространстве участка.

– Красиво! – вырвалось у Антонина. – Это удивительно и красиво!

Тэкла горделиво фыркнула.

– На время уборки я нанимаю десять человек, – сообщила она. – И хорошо плачу – полотном. Ты ведь хочешь увидеть мой ткацкий станок?

Она сунула свою маленькую горячую ладошку в руку Альбина, крепко сжала ее и потащила патриция за собой в дом.

Трудно определить, чего именно опасался Альбин. Больше всего, наверное, ему не хотелось увидеть убогую лачугу, наподобие тех мутантских нор, что встречались ему и прежде: в трущобах Болоньи, где он бывал в охране благотворительных миссий, по дороге сюда в жалких деревушках. По мнению Альбина, Тэкла не была создана для закопченных стен, низкого потолка, слепых окон и спертого воздуха. Она представлялась ему вольным дитятею эфира, подругой ветра. Было даже странно, что она не построила себе воздушного гнезда где-нибудь на дереве. Взбитые пряди льна там, за домом, только усиливали это ощущение.

Домик Тэклы оказался довольно уютным, хотя, конечно, мало для нее подходящим. Впрочем, Альбин поневоле отдал ей должное: Тэкла извлекла, наверное, все из тех небольших возможностей, что у нее имелись. Копоть на стенах была тщательно затерта, везде расставлены поставцы для лучины, кровать накрывалась красивым пологом со сценами из жизни морских гадов, а посреди низкой, но довольно просторной комнаты находился поистине царственный ткацкий станок. Он напоминал миниатюрный дворец – с множеством резных украшений, башенками по углам, утком, сделанным в форме настоящей птицы с большим клювом и рамы в виде гирлянды водных растений, так что сама работа на этом станке как бы имитировала увлекательную жизнь водоплавающей птицы в пруду, богатой рыбой и питательными жучками.

Альбин остановился перед станком, не в силах оторвать глаз от этого поразительного произведения искусства. Конечно, дома, в Болонье, ему доводилось бывать в галереях, особенно если выставку устраивал кто-нибудь из многочисленных друзей рода Антонинов. Но создания их творческого гения всегда несли на себе отпечаток особенного мутантского выверта, как будто все, что скрывала политкорректность, нагнаивалось, вызревало и лопалось, являя себя во всей красе в картинах, коллажах и композициях. Альбин не мог сформулировать для себя, что именно отталкивало его от современного искусства. Возможно, отсутствие целомудрия. Не то чтобы его так уж шокировали все эти багровые рельефные вагины, помещенные в центр картины. За подобными образами, равно как и за рассуждениями критиков об «эстетике безобразного», «манифестации постыдного» и «реабилитации запретного» Альбин угадывал нечто худшее. Он не решался говорить об этом, боясь, как бы его не обвинили в расизме по отношению к мутантам. Положение патриция – вне подозрений, выше любого суда – обязывало ко столь многому, что порой связывало по рукам и ногам и намертво затыкало рот. Любое «мне не нравится», высказанное одним из Антонинов, могло вызвать слишком сильный резонанс.

А вот станок Тэклы ему понравился. В этой вещи были цельность и гармония, несмотря на всю ее вычурность и множество мелких деталей, вроде стрекозы на одном из цветков или водомерки, заметной на водной ряби между листьями.

Альбин так и сказал:

– Очень красивый станок!

Тэкла победно улынулась:

– Я же знала, что тебе понравится!

– Это старинная вещь? – спросил Альбин. – Кто ее сделал?

– Линкест, – ответила Тэкла, – вот кто!

– Если введут новый индекс, ты его потеряешь, – сказал Альбин.

– Что значит «потеряю»? – удивилась Тэкла. – Не умрет же он из-за того, что ему пересчитают показатели? У нас из-за этого умер только один человек – да и то, он просто умер. Во время процедуры. Болел-болел и скончался. А Линкест совершенно здоров, могу тебя заверить.

Альбину стало неловко, но он все-таки пояснил:

– Я хотел сказать, он от тебя уйдет.

– Почему? – еще больше удивилась Тэкла.

– Не знаю... – вконец растерялся Альбин.

– Я тоже, – засмеялась Тэкла. – Послушай, о чем я хотела просить тебя, патриций. И не отказывай мне!

Альбин безмолвно приложил ладонь к груди, следя за тем, чтобы держать пальцы плотно сжатыми – дабы случайно, как бы намеком, не задеть чувств Тэклы.

– Проводи меня до Могонциака! – выпалила она. – Я боюсь идти одна, а просить охрану у наших старейшин не хочу.

– В любом случае, нам по пути, доминилла, – сказал Альбин. Его охватила радость, источник которой он поначалу даже не мог определить. – Я следую по виа Фламиния Лупа до Могонциака, а оттуда – через всю Германарику, до Матроны и Лютеции. Пий Антонин недавно скончался, и мне поручили управлять его землями.

– Ух ты! – закричала Тэкла. – Ну надо же! Вот ведь как мне повезло!

В окно и в низкую дверь всунулись сразу два карлика и с подозрением посмотрели на Тэклу.

– Она не нападает? – осведомился один.

– Брысь, – отозвался Альбин.

Карлики зловеще ухмыльнулись и скрылись.

– Я отдам распоряжения, – сказала Тэкла Альбину. – А ты пока отдыхай.

Альбин так и поступил. Весь день он то сидел, то лежал на специально принесенной перине под яблоней. Со стороны штаб-квартиры изредка доносились приглушенные вопли, похожие на шум прибоя или далекий обвал в горах, а затем все погружалось в прежнюю тишину, нарушаемую лишь протяжным, чуть воющим меканием коз. Карлики-оруженосцы кемарили поблизости с арбалетами наготове. Приходил и уходил Линкест, всякий раз с ношей в руках: то с корзиной, то с тушкой домашней птицы, то со связками плоских хлебцев, надетых на нитку. Несколько раз, беззвучно хихикая, проносились девочки-худышки.

Наконец ближе к вечеру явилась сама Тэкла и объявила, что все дела улажены. Дом, поле и станок она оставляет на все время своего отсутствия служанкам, которые теперь, в связи с происходящей реформой, получают статус полноправных девиц с дозволением заключать любой брак по их благоразумному выбору. Что касается Линкеста, то он вызвался идти с хозяйкой в Могонциака.

– Разумно, – похвалил Альбин. – Такой мастер найдет себе в городе хорошую работу. Преступно держать его в этой глуши.

Тэкла призадумалась. Неопределенная грустная мысль, как легкая тень, пробежала по ее лицу, но почти сразу исчезла.

– Странно, – молвила она, – мутанты не любят перемен и боятся их, но когда неизбежное случается, почти все примиряются с ним довольно легко...

Альбин понял, что она недоговаривает, и спросил:

– Кроме?

– Кроме идеально приспособленных к данной среде. Те сразу погибают, – сказала Тэкла. – Ответь мне, Альбин Антонин, почему патрициев считают осью мироздания? Тебя учили этому?

– Меня учили, что патриций подчиняет свою жизнь долгу, – заговорил Альбин после короткого молчания. – Он обязан служить всему остальному человечеству, в чем бы это служение ни выражалось и в какие бы уродливые и странные телесные формы ни облекалась человеческая душа. Поэтому мир в определенной степени держится на патрициях. Хоть их и немного.

– Патриции, будучи совершенными людьми, могут жить в любых условиях, – сказала Тэкла. – Вот в чем дело. Они выживают в мороз и в зной, в пустыне и влажных лесах. Они могут жить в большом городе и в одинокой пещере; им нипочем ни царский сан, ни полная зависимость от другого человека. Понимаешь меня? Патрицию открыто бытие во всей полноте, а мутанту – только часть сферы, несколько сегментов. Резкая перемена климата, ремесла, социального положения, пищевого рациона, состава воды – и мутант погибает. Вот в чем дело, Альбин Антонин.

Альбин почему-то сразу понял, что именно хотела ему сказать Тэкла:

– По-твоему, Линкест не выдержит тягот независимой жизни?

Тэкла двинула бровями.

– Если ты считаешь, что ему лучше остаться в Могонциаке, то я, пожалуй, действительно оставлю его там. Найду ему хорошего хозяина и передам из рук в руки.

– Лучше жену, – сказал Альбин.

Тэкла засмеялась, но немного натянуто. Уголки ее губ криво изогнулись.

– Можно и жену, – согласилась она.

– Добрую, – добавил Альбин.

– Добрую, – вздохнула Тэкла.

На том разговор и закончился.

* * *

Уходили перед рассветом, без лишних глаз. Тэкла быстро вывела маленький отряд из деревни обратно на виа Фламиния Лупа, показав заодно остатки древнего проселка, сейчас совершенно заросшего мхом и мелким кустарником. Некогда эта дорога была достаточной для того, чтобы разъехались две телеги, запряженные быками, – одна направляющаяся от большака в деревню, другая прочь от нее.

Антонин, следуя приглашению Тэклы, сунул пальцы в разрытый мох и пощупал твердый камень дорожной плиты. Ему казалось, что этот камень вот-вот раскроет нечто – какие-то поразительные вещи. Легионы на марше с парящими в небе серебряными орлами, медленные телеги обоза, где на смятых золотых кубках сидят красивые пленницы с распущенными волосами, отшельник с тихим лицом, неврежденный посреди волчьей стаи. Все это было здесь, погребенное подо мхом.

Антонин подержал ладонь на плите, как на груди больного, словно пытался уловить биение слабеющего сердца, а затем встал и обернул руку о сагум.

Люмен только начался и обещал быть довольно теплым. Не стоило терять времени.

Тэкла шла рядом, то ступая по дороге, то чуть взмывая над ней.

– Скажи, Антонин, почему ты идешь пешком? Ведь это долго! Твое путешествие едва ли завершится и поздней осенью!

– Это традиция, – отвечал Альбин Антонин. – Патриции всегда ходили пешком. В древности они, не имея лошадей, покрывали в кратчайшие сроки огромные расстояния. Это ужа-

сало их врагов и в конце концов бросило к их ногам и Ромарику, и Германарику. Увидишь, мы выйдем за пределы борей Арденнского леса задолго до осенних дождей. То есть, – спохватился он, – я хотел сказать, что отправлю тебе известие об этом в Могонциаке.

Тэкла тихонько засмеялась. Ей была приятна оговорка Антонина.

Их окружал лес без конца и края. Мнилось, он простирается везде – в воздухе до самого неба нависали широкие властные ветви, приют для множества живых тварей, под землей, до самого средоточия тверди, переплетались суровые корни. Впереди и позади, насколько видел глаз и насколько дотягивалось чувство, были стволы, кустарники, травы, огромные папоротники, косматые лишайники – и ничего кроме этого. Человек мог противопоставить всемогущему лесу лишь свое патрицианское упорство. В противном случае ему оставалось выкопать себе нору поглубже, забиться туда и превратиться в еще одну тварь из Арденнского леса.

О здешних мутантах Тэкла знала немного. До Могонциака было не менее дюжины дней пути – все прямо и прямо по виа Фламиния. Тэкла никогда не бывала в городе. Раз в полгода, а то и реже оттуда добирался на телеге, запряженной двумя лошадьми, тамошний почтарь. Привозил вести и товары – новые лекарства, городскую посуду, книги, краску для пряжи, разные вещи, заказанные ему в прежний приезд. Почтарь – высокого старика в рваном пальто до пят – вели к кому-нибудь из старейшин, чаще всего к капитан-командору, и там несколько дней угощали и поили, выпрашивая о том, об этом. Он охотно пил и кушал и рассказывал без умолку, прерываясь только на сон.

От него Тэкла слыхала, что между ее родной деревней и Могонциаком есть еще несколько поселений, все далеко от дороги, и что мутанты там странные. Неприятные, как выразился почтарь.

А лес словно бы слушал разговоры путников, как слушал щебетанье птицы или муравьиный шорох, и безразлично шептал листвой в вышине.

Ночевали почти на самой дороге, лишь немного отойдя от нее в сторону. Тэкла забралась на ветку и растянулась там так привычно, что Альбин сразу понял: его догадка насчет воздушного гнезда, которое пристало Летающей Тэкле вместо обычного дома, была совершенно правильной. Линкест зарылся в листья у корней и тихо плакал половину никты, пока не истомился от рыданий и не впал в забытие. Карлики установили дежурство и сторожили, сменяясь, по периметру крошечного лагеря. А сам Альбин Антонин завернулся в сагум, препоручил душу свою Ангелам, тело – верным слугам и мирно проспал на земле у маленького костра.

Как только встало солнце, к патрицию подошла птица. Она спокойно приблизилась, широко расставляя на ходу короткие ноги с сильными когтями, оглядела спящего со всех сторон, а затем, решив, что он безопасен и, возможно, съедобен, аккуратно пощипала клювом за ухо. Антонин, наполовину разбуженный, засмеялся. Птица сразу отскочила, но далеко уходить она не собиралась. Встала рядом и принялась наблюдать.

А потом с ветки дерева медленно начала спускаться Тэкла. Испуганная шумом ее одежды, птица распростерла крылья и, переливаясь многоцветным оперением, взлетела. Они встретились в воздухе, задев друг друга. Птица тотчас метнулась в сторону, сверкнула, как драгоценная молния, и исчезла, а Тэкла величаво заняла ее место возле Антонина.

Альбин взял девушку за обе руки.

– Доброе утро, Тэкла! – воскликнул он счастливо. – Мир тебе.

Тэкла мгновенно озарилась ясным, радостным светом. Круглые синие глаза заполнились множеством крошечных золотых точек, а рот сморщился, складываясь бантиком, но длинные уголки его заплясали улыбкой.

– Миром приемлю, – отозвалась она полупшепотом. – Ты проголодался?

Альбин озадаченно сдвинул брови.

– Я об этом как-то еще не думал, – признался он.

Тэкла распахнула глаза пошире.

– Не думал? – взвизгнула она и рассмеялась. – Да разве об этом нужно думать?

В это утро Альбин Антонин узнал о Тэкле, что она голодна почти всегда; что она просыпается от лютого голода; что она носит при себе сухарики и яблочки, чтобы постоянно поддерживать силы, иначе ей делается дурно и она начинает тосковать – не душевно даже, а всем естеством, что подчас имеет плачевные последствия как для самой Тэклы, так и для окружающих.

Альбина это позабавило и растрогало; что до оруженосцев, то они, напротив, не нашли в рассказе девушки ровным счетом ничего потешного. Хмурясь, они обменивались короткими взглядами. До сих пор им приходилось заботиться об одном Альбине, а тот был крайне неприхотлив, охотно ел любую пищу, кроме тухлой, и равнодушно переносил лишения. А вот Летающая Тэкла, прекрасно приспособленная к своей теперешней среде обитания, могла оказаться крайне капризной в отношении любых возможных перемен. И добро бы – «капризной», а то просто возьмет и помрет от незнакомой пищи! А патрон, как на грех, успел к ней привязаться!

Теперь карлики мысленно кляли – каждый себя и все вместе друг друга – за то, что отговорили Линкеста брать с собой все эти тюки и корзины с едой, которые тот напакował накануне. Досталось и Линкесту – мог бы и объяснить, из каких соображений в разгар лета берет в лес солонину и моченые яблоки! Вчера это показалось братьям чем-то смехотворным, а сегодня... «Вздуть бы этого плаксу!» – мстительно думали карлики.

Нынешним утром отделались хлебцами, однако теперь придется уделять охоте и поиску съедобных грибов вдвое больше времени, чем прежде. Из-за этого и задержались и в путь вышли, когда солнце уже жарило вовсю, выискивая в густой листве малейшие щелочки и просовывая в них тонкие, как иглы, лучи. Желтые пятна скакали по дороге впереди путников при малейшем дуновении ветра, и тогда же длинные, бледно-зеленые лишайники, свисающие с растопыренных ветвей, как ветхие простыни, принимались шевелиться, да так сильно, будто в них запутался незадачливый бельевого вор.

Лес по сторонам виа Фламиния Лупа делался постепенно более низким и густым; дорога пошла под уклон, пока еще слабо выраженный, – впереди, возможно, еще в сотнях полетов стрелы, текла большая река, и путники вступили в ее владения. Здесь начиналась широкая влажная долина. Все чаще встречались огромные папоротники; затем начался хвощовый лес. Толстые гладкие стволы, перехваченные кольцами – черными и блестящими, словно лаковые, – и яркие зеленые мягкие иглы, каждая длиною почти в два локтя, тихо покачивались в вышине и гибко клонились над головами.

Дневной привал сделали, когда солнце набрало полную силу и жарило во всю мощь. По пути карлики успели подстрелить несколько птиц, и пока Тэкла грызла мягкие горьковатые лесные орехи, быстро ощипывали их. Они хотели было привлечь к этой работе и Линкеста, но бедный мутант не то заснул, не то потерял сознание, едва только ему дозволено было опуститься на землю и склонить голову.

Покончив с орехами, Тэкла принялась бродить вокруг в поисках ягод – ей непременно хотелось сладкого. Альбин растянулся на траве. Солнце припекало его живот и ноги, а лицо скрывалось в узорной тени папоротника. Чуть в стороне потрескивал костер, и ветерок изредка доносил оттуда запах паленого – там на вертеле жарился жирный бычачий голубь.

Неожиданно Тэкла тонко, жалобно вскрикнула. Альбин приподнялся на локтях, щурясь. Больше не доносилось ни звука, и это его насторожило.

– Тэкла! – позвал Альбин.

В густой траве всхлипнул и застонал спящий Линкест.

– Тэкла! – повторил Альбин погромче.

Хлюпнул сломанный хвощ, и сверху на Линкеста мягко упала сорванная верхушка, а вслед за нею повалилась и Тэкла. Альбин вскочил, подхватывая ее на руки. Она с трудом обрела равновесие и объявила:

– Ничего страшного – я занозила ногу!

Альбин усадил ее (Линкест так и не пробудился) и осторожно отогнул подол широкого платья. Открылись ступни – узенькие, неправдоподобно розовые, как будто светящиеся изнутри. Альбин прикоснулся к ним, благоговей. Они оказались гладкими, как атлас или шелк, и мягкими, словно лишь слегка были набиты пухом.

– Где? – прошептал Альбин. Он боялся говорить в полный голос, потому что у него внезапно перехватило горло. – Где болит?

Маленькие, похожие на маслины пальцы левой ноги зашевелились.

– Здесь.

Альбин взял ножку Тэклы в ладони и склонился над нею. Между пальцами он увидел перепонки, совсем маленькие, куда меньше, чем на руках, а у основания большого пальца сидел наглый шип. Альбин подцепил его ногтями и легко вытащил, после чего поцеловал бедную ножку.

Тэкла подпрыгнула на месте.

– Щекотно! – возмутилась она, одергивая подол.

Антонин снова улегся, заложив руки за голову. Его охватило мечтательное блаженство, и он безвольно плыл по волнам этого чувства, пока не сообразил: Тэкла прибегла к его помощи вовсе не из желания показать свои ножки – строение ее пальцев не позволяло ей вытащить занозу. Во всяком случае, сильно затрудняло. Новая сладкая волна прокатилась по Альбину, и он сам не заметил, как задремал.

Путешествие продолжили спустя полторы склянки – по отсчету времени, принятому в деревне Тэклы, или через 3/4 клеписидры, как привык измерять время Антонин. В общем, нескоро. Успели съесть бычачьего голубя и набрать орехов. Линкест был совсем плох – почти не воздал должного стряпне братьев-карликов и безмолвно тосковал, сидя чуть в стороне от трапезничающих. Однако Тэклу это, похоже, не сильно тревожило. Перед тем, как снова выступить в путь, она подплыла к нему и сказала пару слов ему на ухо, после чего Линкест немного приободрился и зашагал веселее.

Долина постепенно становилась все более сырой. По обочинам теперь тянулись болота, заросшие гигантским хвощом и высокими зонтичными растениями, чьи белые и розовые цветки источали на жару удушающий запах. Карлики принялись от него чихать наперебой, каждый на свой особый лад:

– Пти! Пти! Пти! Пти!

– Апп-чхх! Апп-чхх!

– А-а-а... чш-ш! А-а-а... чш-ш!

– Хр-р! Хр-р!

– Чха! Чха!

– Ап... ап... ап... хи! хи!

Болото выползло на дорогу, устилая ее лазутчиками-воюнками или выплескивая поверх твердого покрытия целые озерца посреди слякотной, поросшей мхом почвы. Сапоги Антонина браво хлюпали по воде.

Затем вдруг, незадолго до заката, лес расступился, и перед путниками оказался широкий луг, поросший незабудками. Они были разлиты по сочной зелени травы, как чернила по сукну на столе, синие и фиолетовые. Низкое солнце изливало на них густой багряный свет.

Альбин подхватил Тэклу за руку и вместе с нею выбежал на этот луг. Они промчались десяток шагов и вдруг замерли: дальше луг обрывался, и начиналась широкая блестящая преграда – река. Она лежала так, словно кто-то уронил ее здесь, пролетая в вышине. Там,

куда не проникало заходящее солнце, вода была черна и отражала золотые небесные полосы; в других местах сверкала красноватая рябь. У противоположного берега лежали огромные лилии ослепительного белого цвета.

Альбин почувствовал, как напряглась Тэкла. Ее рука стала влажной и несколько раз вздрогнула.

– Что это? – спросила она.

– Река, – ответил Альбин и почувствовал себя глупо.

Тэкла вдруг засмеялась, высвободилась из его рук и взмыла в воздух. Она помчалась к реке вниз, раскинув руки в широких, развевающихся рукавах и болтая на лету ногами, так что подол ее платья взлетал и подпрыгивал. Оказавшись посреди реки, Тэкла понеслась вдоль по течению и скоро скрылась из глаз, но затем Альбин услышал ее голос, распеваящий без слов победную песнь.

Карлики добрались наконец до патрона. Столпившись за его спиной, они тарацились на реку, хмыкали и терзали свои бороды.

– Удивительно, – обратился к ним Альбин, – какой величественной может быть река, если освободить ее от набережных!

– Лучше бы здесь был какой-нибудь мост, – проворчал один из братьев, старательно скрывая свое восхищение прекрасной картиной.

– Мы идем по старой римской дороге, – молвил Антонин. – Я уверен, что поблизости непременно имеется мост или, на худой конец, какая-нибудь другая переправа... А где Линкест?

– Рыдает в кустах, – буркнул другой карлик.

Альбин выразительно поднял бровь.

– От восторга, – пояснил третий. – Можно подумать, у нас забот других нет, как только обижать этого мутанта!

Альбин двинул лицом, как бы сомневаясь в искренности сказанного, и тут возвратилась Тэкла. Она стремительно промчалась по склону, рухнула на незабудки рядом с Альбином и закричала:

– Красота! Красота!

Карлики бросились собирать хворост для костра.

Поиск моста благоразумно отложили на утро. Альбину, против обыкновения, долго не спалось, хотя никта уже вполне взошла на престол мироздания и возложила на свое хмурое чело алмазный венец. Тэкла свесила во сне руку с ветки дерева, где устроилась на ночлег, и просторный рукав заслонял перед глазами Антонина одну шестую звездного неба.

Альбин был взволнован увиденным сегодня, и мириады непознаваемых чувств бродили в его груди, то слепляясь в ком, приятно теснящий дыхание, то рассыпаясь на острые колкие блестящие.

Наконец Альбин сдался на милость бессонницы, поднялся и принялся тихо бродить по берегу. Вода реки была полна таинственных всплесков. В темноте леса на противоположном берегу то и дело оживала невидимая птица – испускала гулкий звук и шумно хлопала крыльями, видимо, не сходя с места.

Вдалеке над водой разливалось тихое сияние. Оно вкрадчиво выползло из-за купы папоротников, застывших букетом на самом берегу. Альбин пошел в ту сторону, с каждым шагом примечая все новые и новые оттенки темноты. Казалось, им не будет конца.

Но вот он поравнялся с папоротниками, и тотчас позабыл обо всем прочем. Альбин Антонин увидел мост. Тусклый свет исходил от древних опор, вытекал из них, словно пот из отверстых жарю пор. Мост построили римляне, как и предполагал Альбин, и потому он уцелел, но крупные камни, скрепленные раствором, подверглись видоизменениям. Разрушительная Сила не смогла расточить их; однако ее воздействие оказалось достаточным,

чтобы исказить внутреннюю структуру этих камней, сместив составляющие их элементы. Светились и лишайники, почти сплошь покрывающие мост, так что издали казалось, будто над рекой растянута кружевная шаль. Альбин любовался этим зрелищем, пока у него не защипало глаза, а после вернулся в лагерь и наконец заснул.

* * *

Переправлялись быстро. Альбин не мог знать наверняка, какое воздействие окажет светящийся мост на его спутников-мутантов, и всерьез опасался за их здоровье. Тэкла попросту перелетела через реку в стороне от моста, а карлики, повинуясь приказу молодого хозяина, с дробным топотом промчались по замшелому настилу. Линкеста Альбин перетащил за руку – измученный долгим пешим переходом, унылый мутант еле переставлял ноги.

Дорога ожидала путников сразу за мостом, как давний испытанный друг. «Ave! – словно бы говорила она. – А вот и я, ребята!»

Они доверились ей и скоро опять погрузились в неохватные дебри Арденнского леса. Низина скоро закончилась, влажные заросли по обочинам сменились ореховой рощей. Решено было остановиться и как следует запастись орехами. Индикатор, называемый по старинке *cornu unicorinis*, рог единорога, показывал отсутствие в здешних плодах естественных или техногенных ядов; что до радиационного фона, то он держался на стабильной отметке, хотя и несколько выше, чем хотелось бы. Линкест не принимал участия в сборе орехов – обессиленно спал. Альбин запретил своим оруженосцам трогать его и тем паче бранить. Тэкла тоже не утруждала себя работой. Перелетая от дерева к дереву, она без устали грызла орехи, пока, отяжелев, не повалилась прямо на землю, усыпанную толстым слоем прошлогодней листвы. И долго потом она лежала, бездумно копаясь в листьях, и улыбалась почерневшими от орехов губами, а Альбин смотрел на эти губы – и одним только Ангелам ведомо, о чем он думал, потому что сам Антонин сказать бы этого не смог.

* * *

За рекой местность немного изменился – лес сделался как будто более прозрачным и проницаемым для света, хотя по-прежнему оставался бескрайним. Два или три раза оруженосцам мерещились между стволами угрожающие фигуры, но это всякий раз оказывались грибы – бледные, на длинной тонкой ноге синюшного цвета, ядовитые даже на глаз.

Тэкла шла рядом с Альбином и напевала себе под нос:

– А-а-а...

Линкест все чаще засыпал на ходу и падал. Если карлики не успевали подхватывать его, он оставался лежать на дороге, и за ним приходилось возвращаться. Альбин высказывал Тэкле свои опасения насчет этого мутанта, но она и бровью не вела.

– Ему необходимо спать по двадцать склянок в день, – объяснила она. – Он слишком обостренно воспринимает окружающее, и это обессиливает его. Линкест ведь создает не просто какие-то там безделки, а настоящие шедевры – что, по-твоему, это ничего ему не стоит? Сейчас же его впечатления настолько сильны, что ему и двадцати склянок мало.

– Ты меня успокоила, доминилла, – искренне сказал Альбин и распорядился сделать носилки.

Теперь они продвигались быстрее и в два дня покрыли довольно большое расстояние. К рассвету третьего путники увидели впереди, с мечевой стороны дороги, странные косматые стволы. Все пространство между деревьями непрестанно шевелилось и двигалось, как живое; но что именно служило источником этого движения, никак не удавалось понять. Наконец один из братьев отделился от отряда и, чуть пригибаясь, побежал туда, а остальные

приготовили арбалеты. Альбин встал так, чтобы при малейшей опасности закрыть собою Тэклу; что до Линкеста, то он продолжал спать, во сне гримасничая и беспокойно двигая руками.

Затем карлики, как один, сорвались с места и быстро засеменили вслед за братом. Последний из них повернул голову и крикнул Альбину:

– Там улитки! Много!

Тэкла чуть подпрыгнула на месте, взлетела и устремилась туда же. Альбин, уже в который раз, почувствовал себя очень глупо. Поэтому он попросту уселся на дорогу рядом с носилками Линкеста и вперился в пустоту.

Спустя недолгое время он ощутил на себе пристальный, почти гипнотизирующий взгляд, и в тревоге обернулся. Линкест – редкий случай! – пробудился и теперь барахтался, запутавшись в плащах, ремнях и жердинах, к которым его привязали. Широко распахнутые глаза умоляли о помощи.

Альбин встал и остановился прямо над носилками, рассматривая страдающего мутанта. Под этим взором Линкест оцепенел, и лишь хрящеватый нос словно хоботок сам собою шевелился на его лице. Альбин присел на корточки, расстегнул пряжку пояса, которым карлики обычно пристегивали спящего к носилкам. Взбрыкнув в воздухе непомерно длинными руками и ногами, Линкест наконец обрел сидячее положение.

– Тебе, вижу, получше? – осведомился Альбин.

Линкест тяжело задышал. Альбин прислушался к его дыханию, однако тотчас убедился, что Тэкла была права: никаких хрипов или всхлипов в этом дыхании не наблюдалось.

– Вот и хорошо, – сказал Альбин. – Пойду, пожалуй, взгляну, что там происходит.

То, что издали мнилось косматыми стволами, оказалось старым виноградником. В древности здесь росли какие-то плодовые деревья, давно одичавшие и утратившие плодovitость. Римляне, по обыкновению, пустили сюда виноград, чтобы снимать с одного сада два различных урожая. Однако впоследствии в течение жизни этого сада вмешалась Сила. И хотя Альбин, конечно, знал – как знал это любой горожанин, получивший хотя бы среднее образование, – что Сила обладает техногенной природой и никак не может быть персонифицирована (суеверия – для невежественных мутантов), ему, тем не менее, часто представлялся некий злой и любопытный гений, который здесь плюнул, там топнул и ну наблюдать за последствиями. Вот и здесь – деревья захирели, а виноград разросся. Почему? Кто ответит? Кто изыщет логику в действиях Силы?

Мертвые стволы и ветви были сплошь, во много рядов, увиты жирными лозами. Крупные виноградные листья, как отрубленные лягушачьи лапы, топорщились во все стороны. Кое-где под ними висели крохотные гроздочки зеленых ягод – не ядовитых, но очень кислых и вяжущих рот. «Кожа да кости», – как выразился один из братьев.

Ягоды – да; но листья – совсем другое дело: сочное волокнистое листовое мясо представляло собою изысканное лакомство, особенно в кисло-сладком маринаде с лепестками чесноцвета и корешком дикорастущего тмириандра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.